

Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе*

М. С. Карпенко, А. Б. Себенцов

Институт географии РАН,
Российская Федерация, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29

Для цитирования: Карпенко, М. С., Себенцов, А. Б. (2022). Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67 (3), 454–474.

<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.304>

Интеграционные устремления Казахстана и России кажутся многим экспертам прочной основой для развития сотрудничества в общем приграничье. Однако научные исследования последних лет убедительно доказывают, что политическая и экономическая интеграция не обеспечивает автоматического сближения приграничных регионов и развития институтов сотрудничества между ними. В этих условиях участники трансграничных взаимодействий вынуждены опираться на еще сохранившиеся элементы общего советского наследия — сырьевые и кооперационные связи между крупными предприятиями и особенно на общую культуру и ценности. Цель работы состоит в анализе характера влияния демографических и социокультурных тенденций последних десятилетий на приграничное сотрудничество между российскими и казахстанскими регионами. Исследование показало, что общее социокультурное пространство приграничья, с одной стороны, несомненно, создает потенциал для интеграции и приграничного сотрудничества, с другой — неизбежно становится предметом озабоченности государств, стремящихся легитимировать свои права на приграничные районы путем особой языковой, исторической, культурной и символической политики, направленной на сплочение разнородного в этническом и культурном отношении населения в политические нации. Политика «казахизации», демографическая политика российских и казахстанских властей, а также естественный ход демографических процессов способствуют дивергенции некогда единого социокультурного пространства. Анализ экспертных интервью показал, что основой «неорганизованного», «стихийного» сотрудничества населения по-прежнему является приграничная торговля, а также взаимные поездки с потребительскими и туристскими целями. Главными бенефициарами такого рода контактов остаются российские региональные центры, особенно города-миллионеры, учеба и дальнейшая жизнь в которых рассматриваются как желаемая жизненная траектория для многих молодых казахстанцев и прежде всего этнических русских. Притягивая к себе все новых переселенцев, крупнейшие российские города способствуют дальнейшей поляризации и эрозии социокультурного пространства приграничья, что может существенно снизить потенциал сотрудничества и создать препятствия для развития процессов трансграничной регионализации в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, демография, приграничье, трансграничная регионализация, дивергенция, казахизация, политика памяти, культурный ландшафт.

* Исследование выполняется в Институте географии РАН в рамках проекта РНФ № 22-27-00661 («Оценка потенциала регионализации на внутренних и внешних границах ЕАЭС»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

1. Введение и постановка проблемы

Условия становления приграничных связей и приграничного сотрудничества между Россией и Казахстаном часто рассматриваются как общие для постсоветских границ. С одной стороны, новые границы разделили единое экономическое и социокультурное пространство, которое само по себе стало хорошей основой для приграничного сотрудничества. С другой стороны, нарастающие различия в особенностях экономического регулирования и государственного устройства способствовали усилению барьерной функции новых границ, которые имели к тому же важное символическое значение в условиях формирования новой государственности. Однако его реальная тематика и тональность определялась причудливым сочетанием процессов региональной интеграции, актуальными задачами национально-государственного строительства, а также внешнеполитической ориентацией каждой из стран.

В отличие от многих других постсоветских стран, Казахстан достаточно быстро определился со своими внешнеполитическими приоритетами. Провозглашая политику многовекторности, уже в 1994 г. первый президент республики Н. Назарбаев выдвинул идею евразийской интеграции (Троицкий, 2010), что автоматически делало российский вектор одним из основных. Такое положение дел можно объяснить, во-первых, зависимостью Казахстана от доступа к российской энергетической транспортной инфраструктуре, которая открывала ему доступ на мировые рынки. Эта зависимость носила критический характер для нефтяного сектора, ставшего главным драйвером экономики страны после обретения независимости. Во-вторых, сохранившиеся после распада СССР производственные связи определили ориентацию внешней торговли страны на Россию, что в полной мере касалось и регионов российско-казахстанского пограничья. В-третьих, Россия продолжала играть ключевую роль в обеспечении региональной стабильности, являясь гарантом безопасности Казахстана и других стран региона. Кроме того, отказ от сотрудничества с Россией означал бы создание цивилизационного рубежа на границе между христианским и мусульманским мирами и неминуемо вызвал бы этноконфессиональную напряженность в пограничье (Касенов, 1998). Большая протяженность общей границы (7,5 тыс. км) также подталкивала стороны к сотрудничеству.

Предполагалось, что процессы евразийской интеграции позволят использовать перечисленные выше предпосылки сотрудничества, а также получить большие выгоды как для обеих стран в целом, так и для их приграничных регионов в частности. Приграничным регионам в рамках евразийского проекта отводилась особая роль. Их сотрудничество после отмены внутренних таможенных границ и начала формирования общих рынков должно было способствовать укреплению экономических связей, приграничной интеграции с возможным формированием трансграничных регионов внутри Евразийского экономического союза. Эти надежды оправдались не в полной мере. В многочисленных работах, посвященных приграничному сотрудничеству между Россией и Казахстаном, отмечается слабая нормативно-правовая база и недостаток институтов сотрудничества (Вардомский, 2008; Себенцов, 2018); избыточная централизация управления в России и особенно в Казахстане (Иванов и Жундубаев, 2015); многочисленные нетарифные ограничения, препятствующие развитию цивилизованной приграничной

торговли и кооперации (Винокуров и др., 2015; Лимонов и др., 2012). По нашему мнению, в качестве еще одного вызова приграничному сотрудничеству на этом участке российской границы можно считать и демографические процессы, которые в постсоветский период складывались здесь исключительно неблагоприятно. В большинстве исследований демографическая ситуация рассматривалась либо на уровне государств целиком, либо по отдельным регионам с российской и (или) казахстанской стороны (см. например, Сдыков, 2002; Савин, 2010 и др.), а работы, посвященные демографической ситуации в приграничье в целом, немногочисленны (Соколов и Руднева, 2017, Белозеров и др., 2012 и др.). Однако ни в одной из работ демографическая ситуация не анализируется в контексте приграничного сотрудничества.

В некоторых исследованиях отмечается, что демографические процессы в российско-казахстанском пограничье имеют и социокультурное измерение (Герасименко, 2014). Национально-государственное строительство, миграционная политика и естественный ход демографических процессов приводят к уходу советских поколений и постепенной утрате прежних контактов. Поиск новой основы для сотрудничества оказывается существенным вызовом не только для приграничных регионов, но и центральных властей (Себенцов, 2018), а также Евразийской экономической комиссии.

Цель данной статьи — проанализировать характер влияния демографических и социокультурных тенденций последних десятилетий на приграничное сотрудничество между российскими и казахстанскими регионами. Для достижения этой цели мы использовали несколько типов данных. Для анализа демографических тенденций и их влияния на трансформацию систем расселения анализировались данные текущего и переписного учета, включая материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г., переписи населения Казахстана (1999 и 2009 гг.) и России (2002 и 2010 гг.). Информационной базой для оценки социокультурных тенденций в приграничье стали нормативно-правовые акты Казахстана, а также серия из 53 экспертных интервью с представителями центральных, региональных и местных органов власти, общественных организаций, бизнесменами, представителями научного сообщества по разные стороны границы в период с 2014 по 2017 г. Эти же материалы стали основой для анализа практики приграничного сотрудничества на российско-казахстанской границе.

2. Результаты исследования

2.1. Демографический потенциал приграничного сотрудничества России и Казахстана

Приграничные регионы России и Казахстана обладают значительным демографическим потенциалом (1/6 населения России и 1/3 населения Казахстана) в 30 млн человек, из которых 24.2 млн человек (81 %) приходится на российскую часть. Для сравнения: в 1989 г. общий демографический потенциал всего пограничья России и Казахстана превышал 32 млн человек, при этом процентное соотношение за тридцать лет практически не изменилось: 79 % (25.5 млн человек) приходилось на российскую часть и 21 % (6.6 млн человек) — на казахстанскую. В период

с 1989 по 2021 г. российская часть пограничья потеряла в абсолютном выражении 1.24 млн человек или 5 % от первоначальной численности населения. На казахстанской стороне потери составили 0.90 млн человек или 14 % от общего числа жителей.

В развитии демографических процессов, определяющих столь значительные потери, можно выделить два основных этапа.

На первом этапе (с 1991 по 2000 г.) демографическая ситуация была резко неблагоприятной для обеих частей приграничья. В *казахстанской части* наблюдалась масштабная депопуляция населения, причины которой были во многом этнодемографическими. Так, согласно переписи 1989 г., русское население, сконцентрированное преимущественно в городах, характеризовалось сравнительно низкими показателями рождаемости, смертности и естественного прироста (14–17, 8–10 и 5–7‰ соответственно). Сельское население, представленное в основном казахами, напротив, характеризовалось расширенным воспроизводством населения с высокими показателями рождаемости, низкой смертностью и очень высоким естественным приростом (29–31, 6–8, 22–24‰ соответственно).

Наблюдался миграционный отток населения, одной из причин которого стал социально-экономический кризис, затронувший в первую очередь промышленность в городах, где население, в отличие от жителей сёл, не имело альтернативных источников дохода (Савин, 2010). По оценке Госкомстата Казахстана, уровень реальных денежных доходов населения на начало 1995 г. составил примерно 26 % от уровня 1989 г. Однако социально-экономическая обстановка была только одной из причин начавшегося оттока населения. Материалы опроса тех лет показывают, что ключевыми мотивами отъезда «нетитульной» части населения Казахстана значились: отсутствие будущего у детей, опасения за жизнь, незнание языка и связанные с этим трудности в работе, угроза ассимиляции и др. (Лебедева, 1995, с. 51). Запрет (со стороны Казахстана) на двойное гражданство только усиливал сложившиеся тенденции (Григоричев, 2008).

Наиболее интенсивный отток населения наблюдался в период с 1992 по 1998 г. (около 80 % уехавших), при этом в центральной и восточной частях Казахстана, где русское население преобладало, потери были особенно велики. Так, Павлодарская, Костанайская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области потеряли от 13 до 20 % населения, а их суммарный вклад в демографические потери приграничья составил 64.9 %. В западной части приграничья отток был меньше и в значительной степени компенсировался естественным приростом титульного населения. Наибольшие потери наблюдались в Актыубинской области (–7.3 %), а в Атырауской, наоборот, был зафиксирован прирост (3.67 %). Помимо русского населения, миграционная волна 1990-х годов затронула и прочие многочисленные этнические группы, сконцентрированные на территории приграничных регионов, — украинцев (–153 тыс. человек), немцев (–208 тыс. человек), белорусов (–28 тыс. человек), татар (–28 тыс. человек). Общая численность населения приграничья в межпереписной период сократилась на 814.5 тыс. человек, что составляет 65.4 % демографических потерь всего Казахстана.

В *русской части приграничья* демографическая ситуация оставалась более стабильной. Естественный прирост в пределах 3–5‰ наблюдался только в Республике Алтай, что объясняется высокой численностью коренных алтайских народов с традиционным воспроизводством населения. В других регионах приграничья,

как и в среднем по России, с 1993 по 1995 г. наблюдалась естественная убыль населения, которая колебалась от 5 до 10–12‰ в зависимости от года и региона.

Особенности миграционной ситуации определялись, с одной стороны, наметившимся оттоком населения в центральные регионы страны, а с другой — значительным притоком русского населения из Казахстана и республик Средней Азии. Это позволяло компенсировать не только отрицательное сальдо приграничных регионов во внутрироссийских миграциях, но и значительную часть естественной убыли населения. Кроме того, сравнительно молодой состав мигрантов приводил к некоторому омоложению возрастной структуры приграничных регионов, что положительно сказывалось на общей демографической ситуации. Наиболее значительный миграционный прирост (в отдельные годы от 8 до 13‰) наблюдался в Оренбургской, Самарской, Саратовской и Астраханской областях, что привело к росту к 2000 г. численности населения этих регионов на 1–3%. Наибольшее снижение численности населения показали Алтайский край и Новосибирская область (на 6 и 1.5% соответственно), однако и здесь миграция из Казахстана и стран Средней Азии частично стабилизировала неблагоприятную демографическую ситуацию (Григоричев и Тарасова, 2004; Соболева и др., 2014).

На втором этапе (с 2000 г.) эмиграция русских из Казахстана перестала быть ключевым фактором, определяющим демографическую ситуацию во всем приграничье. В *российской части* она по-прежнему определялась естественной убылью населения на фоне интенсивного миграционного оттока в центральные районы страны. Курганская, Саратовская, Омская и Оренбургская области с 2000 по 2021 г. потеряли около 10–12% населения. Алтайский край — абсолютный рекордсмен приграничья — сократил свою численность населения на 14.5%. Иная демографическая ситуация наблюдалась в Республике Алтай, где миграционный отток сполна перекрывался высоким естественным приростом, а также в Тюменской области, здесь главным драйвером интенсивной миграции стали высокие заработки в нефтяной сфере. Население в этих регионах в период с 2000 по 2021 г. выросло на 9.4 и 14.1% соответственно. Приход очередной «демографической волны», принесшей временное увеличение числа рождений в 2012–2017 гг., лишь немного притормозил депопуляционные явления в большей части российского приграничья, однако с 2018–2019 гг. общая убыль населения вновь нарастает. Особая ситуация наблюдается в приграничных районах, где значительную часть населения составляют этнические казахи. Сельский характер расселения и традиционный уклад жизни определяют более высокую рождаемость по сравнению с соседними «русскими районами». Так, в Астраханской области, где по данным переписи 2010 г. 23.7% населения приходится на казахов, наиболее благоприятная демографическая ситуация складывается именно в районах с высокой долей казахского населения: в 2020 г. естественная убыль населения в Красноярском районе (47.6% казахов) составила –0.3‰ при средних по области –2.7‰, а в Володарском районе (68.2%) вообще наблюдался естественный прирост населения (+1.9‰). Похожая ситуация складывается и в других приграничных районах Оренбургской (Соль-Илецкий, Домбаровский, Адамовский и другие районы), Волгоградской (Палласовский район) и Саратовской областей (Александрово-Гайский и другие районы). Тем не менее благодаря значительному миграционному оттоку большинство из перечисленных районов все же теряет свое население.

В казахстанской части демографическая ситуация отличается большей контрастностью. Общее сокращение численности и доли русского населения ведет к быстрому улучшению демографической ситуации в приграничье, особенно в западной его части, где наблюдается увеличение показателей рождаемости и естественного прироста. Наиболее благоприятная ситуация складывается в Атырауской и Актюбинской областях, где общий коэффициент естественного прироста увеличился с 12.5 и 8.3‰ в 2004 г. до 20 и 16.5‰ в 2021 г. и был заметно выше средних для Казахстана значений (13.9‰ в 2021 г.). В восточной и центральной частях приграничья демографическая ситуация, наоборот, ухудшалась. Так, в Павлодарской области общий коэффициент естественного прироста снизился с 2.64‰ в 2004 г. до 1.85‰ в 2021 г. Еще более сложная ситуация наблюдалась в Северо-Казахстанской и Костанайской областях — единственных регионах Казахстана, где в 2021 г. фиксировалась естественная убыль населения (–3.6 и –1.1‰ соответственно).

Миграционная ситуация постепенно стабилизировалась: в 2000-е годы масштабы оттока населения в восточной части приграничья значительно сократились, а в западной — уже к 2005 г. наблюдался миграционный прирост. Это было вызвано активным развитием нефтегазовой промышленности: к работе по освоению месторождений, обустройству сопутствующей инфраструктуры активно привлекались в том числе российские специалисты (Сдыков, 2002). Однако в конце 2010-х годов миграционный отток вновь охватил как запад, так и восток приграничья. Барьером для этого не стала даже пандемия COVID-19, за исключением короткого периода в 2020 г., когда пересечение границы было физически ограничено.

Выбывающее из приграничных регионов население частично замещалось переселенцами из южных районов Казахстана, а также оралманами — этническими казахами-репатриантами, покинувшими родину в разные исторические периоды. Принятая еще в 1990-х годах политика репатриации казахов была определена как важный механизм восполнения выбывшего за пределы республики русскоязычного населения, а также как часть демографической политики государства в целом.

В 2008 г. для поддержки переселенцев была разработана государственная программа переселения «Нұрлы көш» («Светлая кочевка»). Она была ориентирована не только на оралманов, но и на граждан из перенаселенных южных регионов Казахстана. Благодаря этой программе и другим мерам поддержки к 2016 г. в Казахстан переселился почти 1 млн оралманов. При этом, поскольку большинство репатриантов предпочло поселиться в южных регионах страны, в 2016 г. был утвержден новый перечень регионов, предназначенных для расселения. В него вошли все приграничные с Россией области, за исключением Актюбинской.

На цели переселения работала и программа «развития продуктивной занятости и массового предпринимательства» (госпрограмма «Еңбек» на 2017–2021 гг.), в которой особое внимание уделялось переселению населения из трудоизбыточных южных регионов в трудодефицитные северные. Для участников добровольного переселения государство подготовило ощутимые меры государственной поддержки (субсидии на переезд и покрытие расходов на аренду жилья), а также непосредственное обеспечение переселенцев жильем — покупка квартир и строительство новых объектов жилого фонда.

Такие меры демографической политики, с одной стороны, смягчили негативные последствия миграционного оттока русских в 1990-е годы, с другой — способ-

ствовали притоку в приграничные регионы носителей иного «культурного кода» — этнических казахов с юга республики, а также репатриантов из Китая, Узбекистана, Монголии. Все это способствовало росту социокультурного градиента на границе России и Казахстана. И если ранее этот градиент на границе был малозаметен (а в ряде приграничных областей фактически незаметен), то сегодня ситуация существенно изменилась.

2.2. Социокультурные факторы приграничного сотрудничества России и Казахстана

Несмотря на переосмысление советского и имперского прошлого, языковая, культурная и символическая политика в российском приграничье не претерпела существенных изменений. Рост национального самосознания в районах компактного проживания казахского населения привел к появлению казахских классов в российских школах, при этом отдельные казахские школы в приграничье массово не создавались. Единственная в России казахская школа в с. Керей Кулундинского района Алтайского края была переведена на русский язык обучения в 2018 г. Такое положение дел вызывает недовольство у представителей казахской общины в России и отдельных политиков в Казахстане. В то же время в интервью представители казахской общины признавали, что спрос на казахоязычные классы невелик даже в районах с преобладанием казахского населения, поскольку свободное владение русским языком дает существенно больше возможностей в России и частично в Казахстане.

Иначе складывалась ситуация в казахстанской части приграничья. Процессы национально-государственного строительства, развернувшиеся в Казахстане с началом 1990-х годов, внесли заметный вклад в динамику развития миграционных процессов в общем приграничье. Существенные изменения в образовательной, культурной и информационной политике способствовали социокультурной дивергенции российских и казахстанских регионов, однако в целом российско-казахстанскому приграничью удалось сохранить свое социокультурное единство (Герасименко, 2014). В первую очередь это проявляется в повсеместном использовании русского языка, который выполняет в приграничье функцию языка межнационального общения, объединяя не только проживающих совместно русских и казахов, но и другие народы — украинцев, белорусов, немцев, татар и др. В общественно-политической жизни Казахстана русский язык используется наравне с казахским, что закреплено соответствующей нормативной базой (закон «О языках в Республике Казахстан», 1997). При этом по числу владеющих им жителей русский язык намного превосходит официальный государственный. Согласно материалам переписи населения Казахстана 2009 г., 94 % населения отметили, что понимают русскую речь, 74 % — казахскую. Другим объединяющим фактором для приграничья является также единое информационное и культурное пространство. Русский язык остается для большинства казахстанцев, особенно на севере страны, языком культуры. Его знание дает возможность окунуться в многообразие иностранной литературы, которая гораздо чаще переводится на русский, чем на казахский. Более того, знание русского языка до сих пор рассматривается, в том числе и этническими казахами, как норма и необходимое условие для достижения более высокого положения в обществе. Даже для оралманов (репатриантов), селящихся в пригра-

ничных с Россией районах, знание русского языка дает возможность идентифицировать себя в качестве «местных казахов» (Поправко, 2014).

Единство информационного пространства приграничья России и Казахстана достигается за счет доминирования российских СМИ (прежде всего телевизионных) в казахстанской части приграничья. Опираясь на большие рекламные сборы, российские телеканалы выпускают более конкурентоспособный контент, чем казахстанские. В российской части приграничья казахстанские телеканалы не пользуются успехом у зрителей даже в приграничной полосе, где возможен их прием. В результате информационное поле пограничья формируется преимущественно российской стороной.

Важность сохранения общности социокультурного пространства российско-казахстанского пограничья на официальном уровне никогда не подвергалась сомнению ни казахстанской, ни тем более российской стороной. Однако задачи государственного строительства требовали создания новой казахстанской идентичности, что включало в себя соответствующую языковую, историческую, культурную и символическую политику. Так называемая «казахизация» (например, Кадыржанов, 2014) ряда сфер жизни общества особенно болезненно воспринималась в приграничных регионах.

В первую очередь это проявилось в постепенном сокращении числа «русских школ», которые в постсоветский период продолжали пользоваться большой популярностью, в том числе и среди этнических казахов. Уже к 2008 г. их доля в общем числе школ Казахстана не превышала 33 %. В пограничье ситуация была гораздо более контрастной. Минимальная доля «русских школ» была в Западно-Казахстанской и Атырауской областях (18.8 и 2.7 % соответственно), а в остальных регионах их доля колебалась в очень широких пределах — от 35 % (в Восточно-Казахстанской области) до 76 % (в Северо-Казахстанской). К 2018 г. доля русских школ сократилась еще больше и даже в «русских» регионах не превышала 50–55 %. Вместе с тем значительно выросло число так называемых «смешанных» школ, в которых большая часть классов продолжала учиться на русском языке. «Смешанные школы», ставшие законным средством обхода политики «казахизации» образования, получили широкое распространение во всех регионах приграничья, включая западные, где их доля к 2018 г. достигла 25–30 %.

В языковой сфере «казахизация» проводилась более мягко. Так, в законе «О языках» (от 11 июля 1997 г.) русский язык сохранил свой особый статус: «при необходимости» на нем ведется делопроизводство, издаются законодательные акты и др. В 2007 г., когда начала реализовываться политика трехязычия, образование на казахском, русском и английском языках рассматривалось как залог консолидации общества. В дальнейшем «триединство языков» подавалось уже как одна из шести основ новой «казахстанской идентичности»¹. Однако для русскоязычного населения приграничных регионов такое «языковое триединство» на практике означало заметное сужение поля применения русского языка. Еще одним элементом языковой политики стал постепенный перевод казахского языка на латинскую графику.

¹ Концепция укрепления и развития казахстанской идентичности и единства. Утверждена указом Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015 года № 147. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000147>. Документ утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 5 мая 2018 года № 681.

По мнению некоторых казахстанских лингвистов, кириллица является мощным фактором российского культурного давления (Тажибаева и Козырев, 2007).

Активная языковая политика продолжает проводиться и при новом президенте страны К. К. Токаеве. Согласно Государственной программе по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 гг.², к 2025 г. 50 % населения должно использовать латиницу, долю казахоязычного контента в СМИ предполагается увеличить до 79 %, а казахский язык должен приобрести роль языка межнационального общения.

Больших успехов удалось добиться в вопросе «казахизации» административной элиты в большинстве государственных ведомств.

По оценке казахстанских специалистов, традиции использования клановых связей в качестве социального лифта «позволяют казахам численно доминировать в политической системе и государственном аппарате как в центре, так и на местах, даже в тех регионах, где казахский этнос не составляет большинства населения» (Кадыржанов, 2014, с. 52). Однако другие исследователи показывают, что это коснулось также и других сфер — государственной медицины, армии, МВД, крупных государственных компаний. (Ларюэль и Пейруз, 2007; Шустов, 2016).

«Уже в 1990-е годы русским стало трудно устроиться на работу в государственные органы, в милицию, в прокуратуру. Многим работы было не найти — начали уезжать. А лет пятнадцать назад практически весь личный состав милиции сменился. Не знаешь казахского языка — уходи! Но это неофициально, официально-то у нас все в порядке». (Уральск, 2014 г., мужчина, 64 г., бывший сотрудник милиции, член Уральской (Яицкой) казачьей общины.)

Постсоветский период развития Казахстана также характеризовался существенными изменениями культурно-символического ландшафта, главным из которых стала его десоветизация (Герасименко, 2021). Мы попытались проследить эти изменения, оценив сохранность в казахстанском приграничье памятников В. И. Ленину. Как показано в ряде работ, посвященных символическому ландшафту постсоветских стран, памятники В. И. Ленину становятся символом исторической связи общества с общим для России и соответствующей страны советским прошлым. Демонтаж памятников воспринимался не только как десоветизация, но и как дерусификация культурного ландшафта.

Согласно перечню Министерства культуры и спорта Казахстана³, в регионах сохранились 163 памятника В. И. Ленину, включая статуи, скульптуры и бюсты. Большая часть памятников сохранилась в приграничных с Россией областях Казахстана — 106 памятников к 57 не в приграничных.⁴ Больше всего памятников сохранилось в Павлодарской (44), Северо-Казахстанской (24) и Костанайской (18) областях, в тех районах, где доля русского населения в среднем превышает 30 % от общей численности (рис. 1). В лидерах по их числу оказались крупные города приграничья, где в советские годы была создана мощная промышленность и численно преобладало русское население.

² Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1045.

³ Не считая четырех памятников истории и культуры местного значения (Актюбинск, Зыряновск, Костанай, Павлодар).

⁴ Из 57 памятников В. И. Ленину, расположенных не в приграничных областях Казахстана, 49 находятся в Акмолинской области с большой долей русского населения.

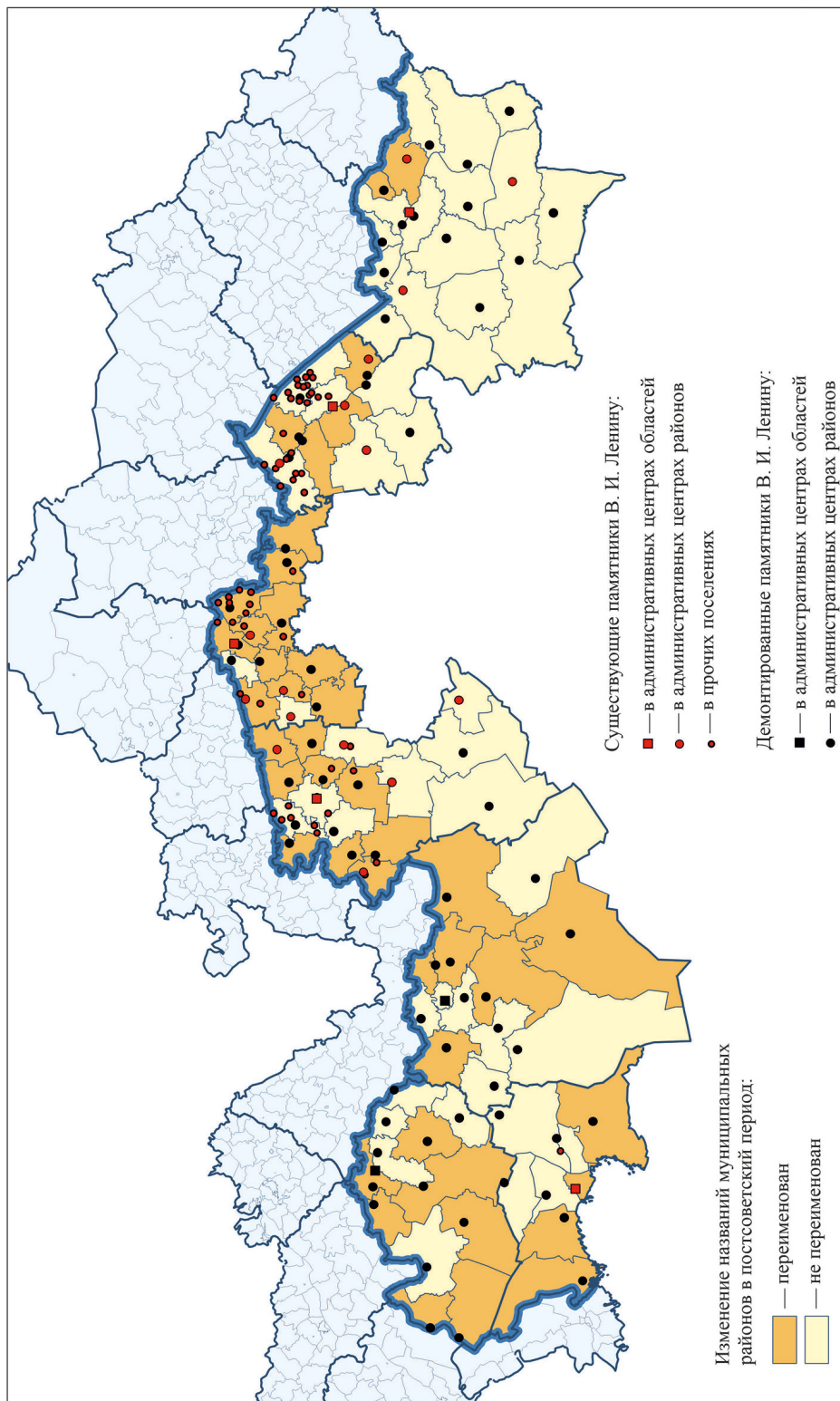

Рис. 1. Топонимический и культурно-символический ландшафт приграничного ландшафт приграничных регионов Казахстана. Составлено авторами по: «Памятники Владимиру Ильичу Ленину, установленные в регионах Казахстана» URL: <https://click.ru/bnQ6R> (дата обращения: 21.03.2022)

К демонтажу большинства памятников советской эпохи население относилось с пониманием. Тем более что в некоторых крупных городах приграничья в качестве компромисса возникли места скопления памятников советского периода — аллеи «социализма» и т. д. Так, в Семипалатинске «аллея прошлого» включает 11 памятников В. И. Ленину и несколько монументов другим государственным деятелям СССР. Гораздо большее сопротивление вызывал характерный для 1990-х годов демонтаж памятников, связанных с историей Российской империи. Так, в 1993 г. демонтаж памятника Ермаку⁵ (первый покоритель Сибири) и переименование г. Ермак вызвали протесты среди русскоязычного населения. По мнению П. С. Шаблея, именно тогда впервые в публичном поле был поднят принципиальный вопрос о характере исторической памяти (Шаблей, 2009). Если русские чтили память о Ермаке как первопроходце Сибири, то у казахского народа его образ вызывал негативные ассоциации с колониальным прошлым, завоевательной политикой некоторых регионов, опорой которой были казаки.

«Десоветизированные» городские пространства часто занимают «новыми» памятниками. Так, в г. Уральске герой гражданской войны В. И. Чапаев уступил место казахскому поэту Ж. Молдагалиеву, а памятник В. И. Ленину «переехал» в Парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова, где и находится по сей день. На месте, где ранее находился памятник В. И. Ленину, ныне установлен памятник Сырым Дат-улы (Датову) — лидеру освободительного движения казахов против царского режима в конце XVIII столетия. После демонтажа памятника В. И. Ленину в г. Актобе на его месте был установлен памятник жертвам голода и политических репрессий. Во многих городах казахстанской части пограничья появились памятники национальным героям прошлого — Абулхаир-хану (хан младшего жуза, г. Актобе), Айтеке-би Байбекулы (казахский бий, г. Атырау), Малайсары-батыру (общественный деятель, г. Павлодар) и т. д. Широкое распространение получили памятники казахским композиторам, ученым, писателям — А. Кунанбаеву, И. Алтынсарину, К. Сатпаеву и др.

Часть памятников по-прежнему апеллирует к культурной и исторической общности с Россией. Так, в 2006 г. в Петропавловске сооружен памятник А. С. Пушкину и А. Кунанбаеву, который в местных путеводителях представлен как монумент, «символизирующий вековую дружбу казахского и русского народов». В хорошем состоянии содержатся созданные в советское время памятники, связанные со Второй мировой войной, которая в Казахстане, также как и в России, считается «Великой Отечественной». Создаются и новые мемориалы, посвященные местным ветеранам, в первую очередь этническим казахам (М. Маменова, первая женщина Казахской ССР, удостоенная звания Героя Советского союза, А. Молдагулова, снайпер, Герой Советского Союза).

Таким образом, несмотря на демографическую ситуацию, складывающуюся в казахской части приграничья в последние десятилетия, а также политику «казахизации», проводимую на национальном и региональном уровне, можно констатировать, что единое культурное пространство пограничья сохраняется, хотя и в модифицированном виде. Тема культурного единства приграничья используется казахстанскими властями с осторожностью, поскольку чрезмерно тесные трансграничные связи могут «привести к отторжению территории Северного Казахстана

⁵ Распиленный на несколько частей памятник был впоследствии тайно вывезен в Россию и установлен в городе Змеиногорск Алтайского края.

в пользу России» (Голунов, 2009, с. 87). События, произошедшие в 2014 г. в Крыму и на юго-востоке Украины, актуализировали опасения части казахстанской элиты относительно территориальной целостности своего государства, что способствовало более активной «казахизации» приграничья. (Кадыржанов, 2014). Обострение украинского кризиса в 2022 г. может привести к очередному витку «казахизации» в северных районах Казахстана. Как показывает опыт, каждый новый шаг в этой политике приводит к новым, хотя и небольшим, волнам русской эмиграции.

«Были мысли уехать в Россию. Соседи-то не больно ко мне хорошо относятся, они все приехали, а русские соседи почти все уехали. Большинство из-за детей уезжали, из-за будущего детей. Но сын-то мой уже вырос. Ну вот девочка маленькая бегаёт. Мечтаю вернуться назад, в прошлое, но можно и в Россию. Но вот даже если мы и вернёмся в Россию, России-то мы нужны?» (Уральск, 2014 г., женщина, 45 лет, мать двоих детей.)

Существенную поддержку эмиграции, преимущественно русского населения, оказывают русские культурные центры (дома русской культуры и т. д.), расположенные в областных центрах. В условиях усиливающейся «казахизации» они выступают своего рода проводниками для отъезда соотечественников в Россию: оказывают услуги консультационного характера, помогают с оформлением документов по Программе переселения соотечественников (Laruelle, 2016), поступлением в российские вузы и пр.

2.3. Системы расселения в приграничье. Главные города и приграничное сотрудничество

Конфигурация городских систем расселения в приграничье определяется в первую очередь историческими причинами. Основой современной сети городов стали казачьи оборонительные линии, возникшие на южных и восточных рубежах Российской империи. В советское время здесь сформировалась единая система расселения, большая часть которой относилась к основной полосе расселения СССР. Южные районы приграничных с Россией областей Казахстана, в силу недостаточной зрелости сетей расселения и, как следствие, с более низкой степенью заселённости в целом, относились к Южной зоне очагового расселения.

Тяготение к основной полосе расселения населённых пунктов казахстанской части приграничья (преимущественно региональных центров) объясняет их эксцентричное расположение и общее тяготение большинства из них (Уральск, Актобе, Петропавловск, Павлодар, Усть-Каменогорск, Семей) к границе с Россией. Это позволяет лучше удерживать население в приграничных муниципальных районах. Так, к примеру, если в казахстанской части доля населения приграничных муниципалитетов составляет около 20 %, то в российской части, где областные центры в основном удалены от границы, этот показатель равен лишь 8 %. Тем не менее заселённость некоторых приграничных районов, особенно в Костанайской, Павлодарской и Восточно-Казахстанской областях, снизилась в постсоветское время в связи с отъездом русского населения в 2–2.5 раза.

В российской части региональные центры, напротив, «оттягивали» население из приграничных районов. В 1990-е годы этот отток частично компенсировался

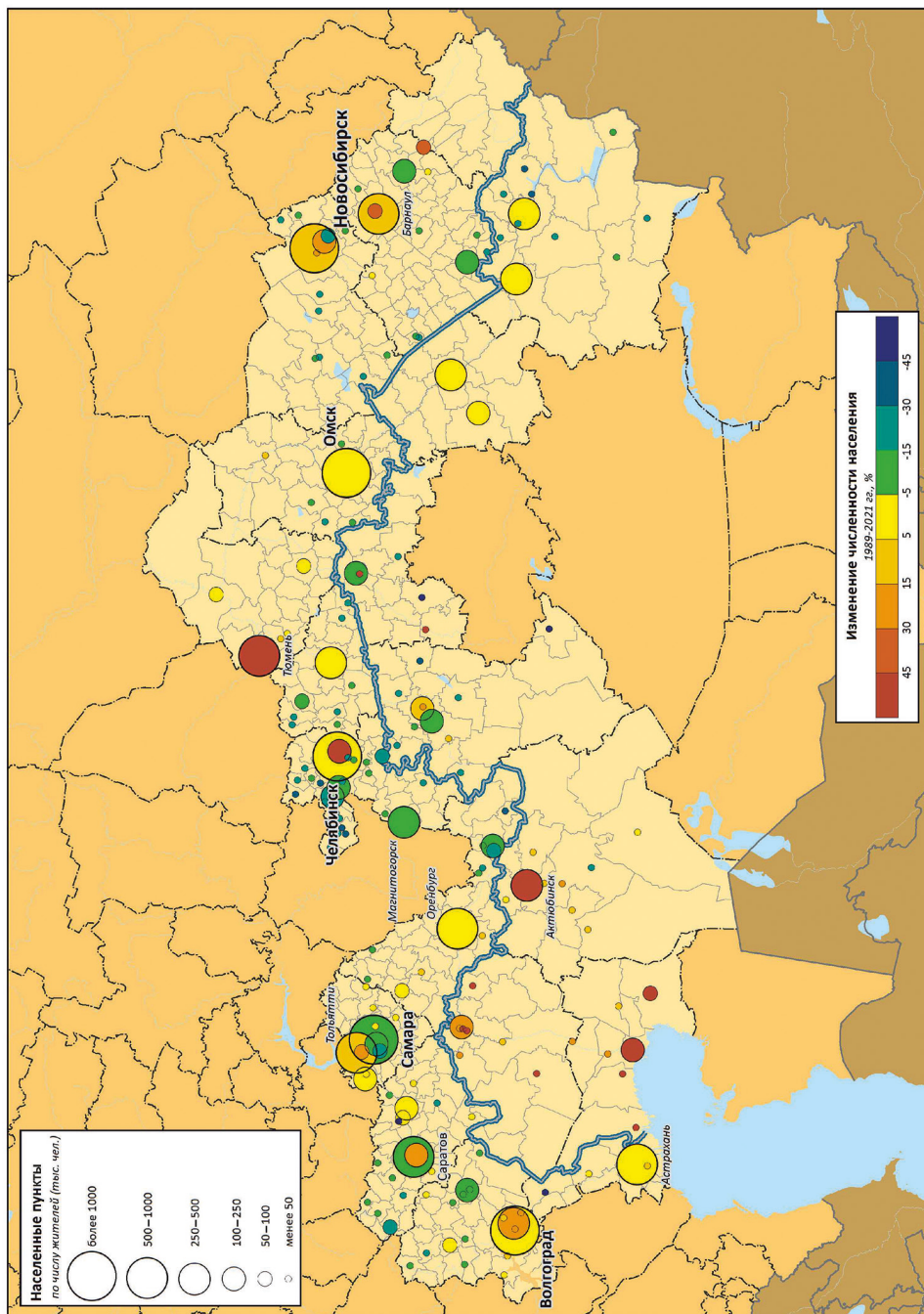

Рис. 2. Динамика численности городского населения в регионах российско-казахстанского пограничья (1989 и 2021 гг.). Составлено авторами по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан

притоком из Казахстана, однако в 2000-е годы этот поток фактически иссяк, и численность населения многих приграничных районов к настоящему времени упала на 20–30 %.

Следствием демографических изменений в приграничье в постсоветский период стала трансформация систем городского расселения (рис. 2). Главной тенденцией стал рост значения наиболее крупных городов приграничья — в первую очередь региональных центров, большинство из которых сохранили, а некоторые даже увеличили свое население. Наибольший рост испытали столицы нефтяных регионов (российская Тюмень, казахстанские Актобе и Атырау).

На этом фоне наблюдалось быстрое снижение роли средних городов с численностью населения 50–100 тыс., для которых распад производственных связей означал остановку промышленных предприятий. Особенно болезненным этот процесс был в Казахстане, где потери населения определялись еще и этнодемографическими причинами. Так, для г. Аркалык Костанайской области остановка одного из крупнейших в СССР предприятий по добыче бокситов привела не только к двукратному снижению людности (с 62,4 тыс. человек в 1989 г. до 27 тыс. человек в 2021 г.), но и к потере статуса областного центра ныне расформированной Тургайской области.

Аналогичные процессы наблюдались в малых городах (менее 50 тыс. человек), число которых пополнялось преимущественно за счет средних. Сокращение людности этой группы населенных пунктов составило в среднем 12–15 %, а после закрытия промышленных предприятий и замещения части прежнего населения сельскими жителями многие из них стали напоминать большие села (Серебрянск).

В общей сложности из 35 городов в казахстанской части приграничья лишь 10 имеют численность постоянного населения свыше 100 тыс. человек. Восемь из них являются областными центрами с населением от 200–250 тыс. (Петропавловск, Атырау, Костанай, Уральск) до 300–400 тыс. человек (Усть-Каменогорск, Павлодар, Актобе, Семей). Два города — Рудный (115 тыс.) и Экибастуз (134 тыс.) официально относятся к категории монопрофильных промышленных центров.

В российском приграничье городов с населением более 100 тыс. человек насчитывается 26, из них пять — города-миллионеры (Волгоград, Самара, Омск, Челябинск и Новосибирск). Именно они выполняют функции «организаторов» сотрудничества и наиболее привлекательны для населения по обе стороны границы. Анализ экспертных интервью показывает, что большие расстояния между ними и центрами приграничных областей Казахстана не снижают интерес к трансграничным контактам. Во-первых, российские города на практике более доступны, чем расположенные на большем расстоянии соседние областные центры казахстанских регионов. Во-вторых, в приграничье по-прежнему сильны родственные и культурные связи с сопредельными российскими городами и сельскими поселениями. Родственные связи — ключевой фактор трансграничной мобильности местного населения в российско-казахстанском приграничье (Зотова и др., 2018). В-третьих, российские города рассматриваются «казахстанскими русскими» в качестве рынка труда и как потенциальное место для переселения.

Главным двигателем экономической составляющей приграничного сотрудничества по-прежнему остается размещенный в ключевых приграничных городах крупный бизнес и сформировавшиеся в советское время связи в нефтегазовой

и угольной промышленности, электроэнергетике, черной и цветной металлургии. В последние годы предпринимаются попытки развития трансграничных цепочек добавленной стоимости в отраслях машиностроения. Однако, как показывают недавние исследования, эти связи хотя и определяют социально-экономическую ситуацию в приграничных регионах, но не способствуют вовлечению в сотрудничество широких слоев населения, а также региональных и местных властей (Карпенко, 2019). Эту функцию в значительной мере берет на себя *приграничная торговля*, которая выступает одним из ключевых мотивов трансграничных поездок между городами. Для российских граждан, пересекающих границу с Казахстаном для покупки потребительских товаров, первоочередной интерес представляют продукты питания, особенно чай, кондитерские изделия, фрукты, а также алкогольные напитки, которые пользуются большим спросом во всех регионах российского приграничья. Поток жителей Казахстана в Россию для покупки различных товаров меньше. Это связано, в первую очередь, с более высоким уровнем цен. В частности, алкогольная, кондитерская, мясная продукция, топливо (бензин) в России дороже, чем в Казахстане. Кратковременный всплеск потребительской активности жителей Казахстана наблюдался лишь в конце 2014 г., в период резкого падения курса рубля, когда они активно скупали не только продукты питания, но также автомобили, объекты недвижимости и бытовую технику, ювелирные изделия.

Иная ситуация наблюдалась на фоне усиления санкционного давления Запада против России в конце февраля 2022 г. Резкий рост инфляции и уход с российского рынка иностранных производителей широкого спектра потребительских товаров (продуктов питания, одежды, лекарств, бытовой техники) способствовал значительному росту поездок в Казахстан с потребительскими целями. Некоторые россияне, работающие удаленно, стали рассматривать Казахстан как временное место жительства⁶. Важным направлением приграничных взаимодействий остается и туризм. Крупнейшие города приграничья и отдельные курорты (например, Боровое в Казахстане или Соль-Илецк в России) испытали бурное развитие после 2015 г. (Карпенко, 2019). Развитие получил также и медицинский туризм. Хотя многие областные медицинские центры в Казахстане обеспечены передовым оборудованием, его население по-прежнему больше доверяет квалификации российских врачей (Карпенко, 2019). Вместе с тем и россияне все чаще посещают сопредельные казахстанские регионы в медицинских целях — наибольшей популярностью пользуются вспомогательные репродуктивные технологии и кардиохирургия.

Привлекательным для казахстанцев, как и в советские годы, остается российское образование, причем не только в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, но и в ряде городов приграничья — Новосибирске, Омске, Челябинске, Самаре и Волгограде, Барнауле. Чтобы легче поступить в российские университеты, некоторые старшеклассники предпочитают заканчивать школу уже в России. Университеты приграничных российских регионов заинтересованы в наборе «иностранцев», и многие из них присылают в областные центры Казахстана, особенно в Петропавловск, Костанай, Павлодар, специальные комиссии для отбора абитуриентов.

⁶ «Неважно куда, просто хочу сбежать»: россияне рассказали, почему переезжают в Казахстан // NUR.KZ, 11.03.2022. URL: <https://www.nur.kz/society/1960245-nevazhno-kuda-prosto-hochu-sbezhat-rossiyane-rasskazali-pochemu-perezzhayut-v-kazahstan/>

Ограничения на пересечение границы в период пандемии COVID-19 еще раз показали, насколько чувствительным для приграничных районов Казахстана является образовательное сотрудничество с Россией. Уже в августе 2020 г. казахстанское студенческое сообщество обратилось в правительство, МИД и ФСБ России с целью включения учебы в список оснований для беспрепятственного въезда в Россию⁷.

Для русских казахстанцев учеба в российском вузе — это еще и шанс остаться в России после окончания учебного заведения, возможность получить престижную работу и более высокий социальный статус. Обосновавшись в России, выпускники зачастую предпочитают перевезти сюда и своих родственников (родителей). Можно предположить, что в перспективе это приведет к утрате существующих сегодня социальных (в первую очередь родственных) трансграничных связей и сокращению числа взаимных поездок. Таким образом, можно сделать парадоксальный вывод: если в краткосрочной и среднесрочной перспективе образовательное сотрудничество и связанный с ним отток русскоязычного населения из Казахстана оказывает стимулирующее действие на приграничное сотрудничество, то в долгосрочной перспективе — подрывает его, способствуя росту социокультурных контрастов в приграничье.

3. Заключение

Распад СССР и последовавший за ним социально-экономический кризис, постепенное усиление пограничного режима и процессы национально-государственного строительства в постсоветский период оказали существенное влияние на демографическую ситуацию в российско-казахстанском пограничье. Интенсивность и скорость, с которой она менялась, стала важным фактором, влияющим на базовые условия, а также характер трансграничных взаимодействий.

Ключевым трендом постсоветского времени для российско-казахстанского приграничья стала быстрая деградация накопленного демографического потенциала, что проявилось в быстром и интенсивном сокращении численности населения приграничья, а также уровня его заселенности. Численность населения всего приграничья снизилась на 6,3 % на фоне естественной убыли и миграционного оттока, который был особенно велик со стороны Казахстана. Его приграничные регионы потеряли около 14 % численности населения.

На уровне приграничных районов ситуация складывалась еще драматичнее. Многие из них потеряли до 30–40 % населения. Особенно пострадали приграничные районы Северного Казахстана, откуда в 1990-е годы наблюдался массовый отток русского населения. Заметная часть его осела в российской части приграничья, компенсировав таким образом часть демографических потерь. Тем не менее депопуляция снизила возможности для приграничного сотрудничества на локальном уровне, нарушив многие сложившиеся еще в советское время личные и хозяйственные связи.

Вторым важным следствием демографических процессов постсоветского времени стала трансформация городских систем расселения, которая проявилась в росте доли крупнейших городов при одновременном снижении числа средних

⁷ Граница на звонке. Иностранцы просят правительство РФ разрешить прибыть в вузы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4459152>.

и особенно малых городов. Крупнейшие города приграничья, и в первую очередь областные центры, берут на себя функции «организаторов» сотрудничества и наиболее привлекательны для населения по обе стороны границы.

Еще одним трендом стал рост этнокультурных различий, вызванных прежде всего этнодемографическими процессами в казахстанской части приграничья. Так, на фоне миграционной и естественной убыли преобладавших в советское время неказахских этнических групп (прежде всего русских, украинцев, белорусов и немцев) наблюдался естественный и миграционный рост численности этнических казахов. В городах этот процесс поддерживается благодаря государственной политике «казахизации», включающей в себя меры по укреплению всех ключевых публичных институтов «национальными кадрами», развитию казахского языка, продвижению особой культурной и символической политики. Закономерным следствием этих процессов стала постепенная дивергенция социокультурного и информационного пространства, что в среднесрочной перспективе может рассматриваться как серьезный вызов для приграничного сотрудничества и перспектив развития трансграничной регионализации.

Ключевой сферой трансграничных взаимодействий остается экономическое сотрудничество. В настоящее время оно выражено прежде всего в существующих с советского времени и созданных в постсоветский период кооперационных связях преимущественно сырьевой направленности между крупнейшими предприятиями двух стран. Однако такое сотрудничество, на котором сфокусировано основное внимание и на которое направлены стимулирующие меры национальных властей, не требует участия ни властей приграничных регионов, ни проживающего там населения. Оно практически не использует наработанный еще с советского времени социальный капитал и не в полной мере используемый потенциал евразийской интеграции.

Как и на других участках постсоветских границ, основой «неорганизованного», «стихийного» сотрудничества населения по-прежнему является приграничная торговля, а также взаимные поездки с потребительскими и туристскими целями. На российско-казахстанской границе большую роль во взаимодействии между регионами играет также образовательное сотрудничество. Главными бенефициарами такого рода контактов остаются российские региональные центры, особенно города-миллионеры, учеба и дальнейшая жизнь в которых рассматривается как желаемая жизненная траектория для многих молодых казахстанцев и прежде всего этнических русских. Притягивая к себе все новых переселенцев, крупнейшие города способствуют дальнейшей социокультурной поляризации пространства приграничья.

Литература

- Белозеров, В. С., Чихичин, В. В., Панин, А. Н., Коржов, И. Ю. (2012). Российско-казахстанское пограничье: теория и практика исследования социально-демографических процессов. *Региональные исследования*, 3, 117–127.
- Вардомский, Л. Б. (2008). Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России. *Евразийская экономическая интеграция*, 1, 90–108.

- Винокуров, Е. Ю., Демиденко, М. В., Пелипась, И. В., Точицкая, И. Э., Шиманович, Г. И., Липин, А. С. (2015). *Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий*. СПб.: ЦИИ ЕАБР.
- Герасименко, Т. И. (2014). Влияние новой государственной границы на развитие этнокультурного пространства (пример Оренбургско-Казахстанского порубежья). *Наука. Инновации. Технологии*, 4, 109–120.
- Герасименко, Т. И. (2021). Российско-казахстанская граница. В: А. П. Клемешев и др., под ред., *Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Ч. 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья*. Калининград, 186–210.
- Голунов, С. В. (2009). Приграничное сотрудничество России и Казахстана: проблемы и пути развития. *Мировая экономика и международные отношения*, 6, 84–91.
- Григоричев, К. В. (2008). «Казахстанский транзит»: Казахстан в миграциях на постсоветском пространстве. В: *Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции*. Усть-Каменогорск, 105–118.
- Григоричев, К. В., Тарасова, Е. В. (2004). Миграционные связи между Алтайским краем и Казахстаном в 1992–2001 годах: региональные особенности. *Вестник Евразии*, 1, 152–168.
- Зотова, М. В., Гриценко, А. А., Себенцов, А. Б. (2018). Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик. *Мир России*, 27 (4), 56–77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77>
- Иванов, В. Н., Жундубаев, М. К. (2015). Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 7 (292), 38–51.
- Кадыржанов, Р. К. (2014). Этнокультурный символизм и казахизация. В: З. К. Шаукенова, под ред., *Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана*. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.
- Карпенко, М. С. (2019). Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 1, 24–36.
- Касенов, У. Т. (1998). *Безопасность Центральной Азии: национальные, региональные и глобальные проблемы*. Алматы: Университет «Кайнар».
- Ларюэль, М., Пейруз, С. (2007). *«Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность*. М.: Наталис.
- Лебедева, Н. М. (1995). *Новая русская диаспора: социально-психологический анализ*. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
- Лимонов, Л. Э., Батчаев, А. Р., Качочников, Д. В., Одинг, Н. Ю., Савулькин, Л. И., Чарушина, О. Б., Костыгина, Е. В., Ракишева, Б. И., Анисимов, А. М. (2012). *Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России*. СПб.: Евразийский банк развития.
- Поправко, И. Г. (2014). Чужие среди своих: репатрианты, аутентичность и повседневные границы в Восточном Казахстане. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология, религиоведение»*, 10, 206–216.
- Савин, И. С. (2010). Русские в современном Казахстане. *Социологические исследования*, 8, 81–89.
- Сдыков, М. Н. (2002). Казахстан и Россия в системе приграничных миграций. В: Ж. А. Зайончковская и М. Н. Сдыков, под ред., *Россия-Казахстан: фронтовые миграции*. Москва; Уральск: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ.
- Себенцов, А. Б. (2018). Институциональное измерение приграничного сотрудничества в российском приграничье. *Региональные исследования*, 3, 66–75.
- Соболева, С. В., Смирнова, Н. Е., Чудаева, О. В. (2014). Миграция населения в приграничных регионах Сибири. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, 8 (482), 18–31.
- Соколов, А. А., Руднева, О. С. (2017). Российско-казахстанский трансграничный регион: динамика демографических процессов за 25 лет. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Биологические, технические науки и науки о Земле*, 1 (1), 48–52.
- Тажобаева, С., Козырев, Т. (2007). Государственность, язык, алфавит: пример Казахстана. *Центральная Азия и Кавказ*, 4 (52), 166–176.
- Троицкий, Е. Ф. (2010). Внешняя политика Казахстана: формирование и развитие (1992–2000 гг.). *Вестник Томского государственного университета*, 337, 96–99.

- Шаблей, П. С. (2009). Символические формы репрезентации истории Казахстана и современность. *История и современность*, 2, 170–193.
- Шустов, А. В. (2016). *Формирование этнонациональной структуры независимых государств Средней Азии: 1990-е — начало 2010-х гг.* М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Laruelle, M. (2016). Why No Kazakh Novorossiya? Kazakhstan's Russian Minority in a Post-Crimea World. *Problems of Post-Communism*, 65 (1), 65–78. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1220257>

Статья поступила в редакцию 21 марта 2022 г.
Статья рекомендована к печати 15 июня 2022 г.

Контактная информация:

Карпенко Михаил Сергеевич — kms@igras.ru
Себенцов Александр Борисович — asebentsov@igras.ru

Demographic and sociocultural challenges to cross-border cooperation on the Russian-Kazakhstan border*

M. S. Karpenko, A. B. Sebentsov

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetnyi per., Moscow, 119017, Russian Federation

For citation: Karpenko, M. S., Sebentsov, A. B. (2022). Demographic and sociocultural challenges to cross-border cooperation on the Russian-Kazakhstan border. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 67 (3), 454–474. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.304> (In Russian)

Integration aspirations of Kazakhstan and Russia seem to many experts to be a solid basis for the development of cooperation in the common border area. However, recent research has convincingly proved that political and economic integration do not automatically bring border regions closer together and develop institutions of cooperation between them. Under these conditions, participants in cross-border interactions are forced to rely on the still preserved elements of the common Soviet heritage — economic ties between large enterprises and especially a common culture and values. The purpose of the work is to analyze the nature of the influence of demographic and sociocultural trends of recent decades on cross-border cooperation between Russian and Kazakh regions. This study shows that the common sociocultural space of the border area, on the one hand, undoubtedly creates the potential for integration and cross-border cooperation, on the other hand, it inevitably becomes a matter of concern for states seeking to legitimize their rights to border areas through a special linguistic, historical, cultural and symbolic policy aimed at uniting ethnically and culturally diverse populations in political nations. The policy of “Kazakhization”, the demographic policy of the Russian and Kazakh authorities, as well as the natural course of demographic processes contributes to the erosion of the common sociocultural space of the border area. The analysis of expert interviews showed that the basis of “unorganized,¹” “spontaneous” cooperation of the population is still cross-border trade, as well as mutual trips with consumer and tourist purposes. The main beneficiaries of such contacts are the Russian regional centers, especially the millionaire cities, where study and further life are considered as a desirable life trajectory for many young Kazakhstanis and, above all, ethnic Russians. By attracting more and more migrants, the largest Russian cities contribute to further polarization and erosion of the socio-

* The study is being carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences within the framework of the RSF project No. 22-27-00661 («Assessment of the Regionalization Potential on the Internal and External Borders of the EAEU»).

cultural space of the border area, which can significantly reduce the potential for cooperation in the long term.

Keywords: cross-border cooperation, demography, cross-border region, cross-border regionalization, kazakhization, memory politics, cultural landscape.

References

- Belozerov, V. S., Chikhichin, V. V., Panin, A. N. and Korzhov, I. Iu. (2012). Russian-Kazakh borderland: theory and practice of research of socio-demographic processes. *Regional'nye issledovaniia*, 3, 117–127. (In Russian)
- Gerasimenko, T. I. (2014). The influence of the new state border on the development of ethnocultural space (example of the Orenburg-Kazakhstan borderland). *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 4, 109–120. (In Russian)
- Gerasimenko, T. I. (2021). Russian-Kazakh border. In: A. P. Klemeshev et al., eds, *Prigranichnoe sotrudnichestvo vdol' gosudarstvennoi granitsy Rossii. Chast' 1: Regiony Dal'nego Vostoka, Sibiri, Urala i Povolzh'ia*. Kaliningrad, 186–210. (In Russian)
- Golunov, S. (2009). Cross-border cooperation between Russia and Kazakhstan: problems and ways of development. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 6, 84–91. (In Russian)
- Grigoriev, K. V. (2008). “Kazakhstan transit”: Kazakhstan in the post-Soviet space migrations. In: *Et-nodemograficheskie protsessy v Kazakhstane i sopredel'nykh territoriakh. Sbornik nauchnykh trudov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ust'-Kamenogorsk, 105–118. (In Russian)
- Grigoriev, K. V. and Tarasova, E. V. (2004). Migration relations between the Altayskii krai and Kazakhstan in 1992–2001: regional features. *Vestnik Evrazii*, 1, 152–168. (In Russian)
- Ivanov, V. N. and Zhundubaev, M. K. (2015). Interregional and cross-border cooperation between Russia and Kazakhstan: main priorities. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 7 (292), 38–51. (In Russian)
- Kadyrzhanov, R. (2014). *Ethnocultural symbolism and national identity of Kazakhstan*. Almaty, Institut filosofii, politologii i religiovedeniia KN MON RK Publ. (In Russian)
- Karpenko, M. S. (2019). Cross-border dimension of Eurasian integration of Russia and Kazakhstan: challenges for cooperation. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii geograficheskaiia*, 1, 24–36. (In Russian)
- Kasenov, U. T. (1998). *Security of Central Asia: national, regional and global problems*. Almaty: Universitet «Kainar» Publ. (In Russian)
- Laruelle, M. (2016). Why No Kazakh Novorossiia? Kazakhstan's Russian Minority in a Post-Crimea World. *Problems of Post-Communism*, 65 (1), 65–78. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1220257>
- Laruelle, M. and Peyrous, S. (2007). “Russian question” in independent Kazakhstan: history, politics, identity. Moscow: Natalis Publ. (In Russian)
- Lebedeva, N. M. (1995). *The new Russian diaspora: a socio-psychological analysis*. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia Publ. (In Russian)
- Limonov, L. E., Batchaev, A. R., Kadochnikov, D. V., Oding, N. Iu., Savul'kin, L. I., Charushina, O. B., Kostygina, E. V., Rakisheva, B. I. and Anisimov, A. M. (2012). *Customs Union and cross-border cooperation between Kazakhstan and Russia*. St Petersburg: Tsentri integratsionnykh issledovaniia EABR Publ. (In Russian)
- Popravko, I. G. (2014). Strangers among their own: repatriates, authenticity and everyday borders in East Kazakhstan. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Politologiya, religiovedenie*, 10, 206–216. (In Russian)
- Savin, I. S. (2010). Russians in modern Kazakhstan. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 8, 81–89. (In Russian)
- Sdykov, M. N. (2002). Kazakhstan and Russia in the system of border migration. In: Zh. A. Zaionchkovskaia, M. N. Sdykov, eds, *Rossiiia-Kazakhstan: front'erskie migratsii*. Moscow, Ural'sk, 7–41. (In Russian)
- Sebentsov, A. B. (2018). Institutional dimension of cross-border cooperation in the Russian border area. *Regional'nye issledovaniia*, 3, 66–75. (In Russian)
- Shabley, P. S. (2009). Symbolic forms of representation of the history of Kazakhstan and the present. *Istoriia i sovremennost'*, 2, 170–193. (In Russian)

- Shustov, A. V. (2016). *Formation of the ethno-national structure of the independent states of Central Asia: 1990-s — early 2010-s*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ. (In Russian)
- Soboleva, S. V., Smirnova, N. E. and Chudaeva, O. V. (2014). Migration of the population in the border regions of Siberia. *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal EKO*, 8, (482), 18–31. (In Russian)
- Sokolov, A. A. and Rudneva, O. S. (2017). Russian-Kazakhstan transboundary region: dynamics of demographic processes over 25 years. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Biologicheskie, tekhnicheskie nauki i nauki o Zemle*, 1 (1), 48–52. (In Russian)
- Tazhibayeva, S. and Kozlyev, T. (2007). Statehood, language, alphabet: the example of Kazakhstan. *Tsentral'naiia Aziia i Kavkaz*, 4 (52), 166–176. (In Russian)
- Troitskiy, E. F. (2010). Foreign policy of Kazakhstan: formation and development (1992–2000). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 337, 96–99. (In Russian)
- Vardomskii, L. B. (2008). Cross-border cooperation on the “new and old” borders of Russia. *Evrasiiskaia ekonomicheskaiia integratsiia*, 1, 90–108. (In Russian)
- Vinokurov, E. Yu., Demidenko M. V., Pelipas, I. V., Tochitskaia, I. E., Shimanovich G. I. and Lipin A. S. (2015). *Assessing the impact of non-tariff barriers in the EAEU: results of enterprise surveys*. Sankt-Peterburg: Tsentr integratsionnykh issledovaniy EABR Publ. (In Russian)
- Zotova, M. V., Gritsenko, A. A. and Sebentsov, A. B. (2018). Everyday life in the Russian borderlands: motives and factors of cross-border practices. *Mir Rossii*, 27 (4), 56–77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77> (In Russian)

Received: March 21, 2022

Accepted: June 15, 2022

Authors' information:

Mikhail S. Karpenko — kms@igras.ru

Alexander B. Sebentsov — asebentsov@igras.ru